

МИР ИДЕЙ И СТРАСТЕЙ

ПРОДОЛЖАЯ начатый нашей газетой цикл «50 лет советского искусства», мы расскажем об искусстве блокадного Ленинграда. О музыке Шостаковича говорят многие смежные искусства — совсем недавно, например, выпущен документальный фильм, который рассказывает о композиторе языком кинематографическим. Сегодня мы предоставляем слово народному художнику РСФСР И. Серебряному — создателю одного из портретов Шостаковича, постоянному слушателю филармонических концертов в блокадные дни.

ЧЕЛОВЕКУ, пережившему все 900 дней блокады Ленинграда, трудно говорить о том времени спустя четверть века. То, что тогда казалось обыденным и естественным, сейчас представляется удивительным и невероятным. Ленинград был передовой линией фронта. И ленинградцы объединили и ожесточили свои сердца, чтобы победить. Никакими словами не передать остроту того специфического, именно ленинградского ожесточения, меру которого может ощутить лишь тот, кто сам жил тогда в осажденном городе, кто сам защищал наш прекрасный, любимый город Ленина.

С годами в памяти что-то из прошлого оказывается ближе, а что-то дальше. В моей памяти наиболее ярко в том времени смотрятся люди борющегося Ленинграда. Среди них — партизаны, летчики, снайперы. И, конечно, художники. И музыка.

В моей памяти о блокаде одно из первых мест занимает музыка. Были дни, когда ее не было — и не было жизни. Сейчас это трудно себе представить. Но было действительно страшно: город без музыки, круглосуточно. По радио только нервный стук метронома. Только вой сирен, тревоги и отбой, и снова тревоги, и снова отбой...

Музыка в осажденном Ленинграде воспринималась по-особенному остро.

Зимой 1942 года, возвращаясь из партизанского отряда в Ленинград, я отправился в Филармонию на симфонический концерт. Играли 6-ю симфонию Чайковского. В ту же ночь при двух копилках я написал эскиз будущей картины.

Живое впечатление — это несомненно ценнейший источник творчества. Лишь много лет спустя, работая над большой картиной «Концерт в Ленинградской филармонии. 1942 год», я понял и ощутил остроту первого, непосредственного, живого впечатления, которое произвел на меня этот на всю мою жизнь забываемый концерт. Это действительно надо было видеть. На улицах подле Филармонии лежали трупы. Начался артиллерийский обстрел, но концерт не прекращался. Лишь в антрактах слышались громкие голоса:

— Петров! В штаб! Иванов! В штаб...

Дирижировал Карл Элиасберг, в холодном, промерзлом зале, но во фраке. Играл оркестр радиокомитета. Оркестранты в шарфах и в валенках. У многих на руки были натянуты шерстяные носки с дырками для пальцев. В зале полумрак, и он почти пуст. Лишь передние ряды и ложи как-то заполнены укутанными людьми, среди них — девушки из МПВО, военные. Запомнилось: в середине симфонии входит опоздавшая худенькая девушка в шинели, идет по центральной дорожке зала вдоль рядов белых кресел, кирзовые сапоги скрипят, это ее смущает, и она касается пола одними носками сапог, тихо садится и смотрит в оркестр широко распахнутыми глазами, затан дыхание... Мне подумалось тогда: какой чудесный образ!

Потом я еще много раз ходил на подобные концерты. И после войны долго искал приемлемые варианты композиции. И всякий раз первый, весьма невразумительный эскиз, сделанный при копилках, оказывался и вернее и выразительнее.

Но вот что интересно: ленинградцы, увидевшие мою новую картину, почти неизменно восклицали: «Седьмая симфония Шостаковича!» Ошибка? Да. Но признаться, такая зрительная поправка импонировала мне. В ней звучало признание достоверности моего искусства, хотя ошибка была явная, так как приметы времени не совпадали. На картине — зима, стужа, почти пустой зал, а

премьера Седьмой состоялась 9 августа сорок второго года. Я прекрасно помню тот вечер, я был тогда в Филармонии. Стояла теплая, летняя погода, и сотни слушателей заполнили зал. И в городе была необыкновенная тишина — наше командование, зная о замечательном событии, специально задало гитлеровцам такой артиллерийский «концерт», что те так и не сумели произвести по городу ни одного выстрела. Это ли не глубокий символ блокадного Ленинграда! Да, музыка была в одном строю с борющимися ленинградцами. Это понимали все. Именно поэтому в трудные дни блокады, когда каждая винтовка была на счету, был издан приказ, по которому музыканты отзывались на репетицию Седьмой симфонии прямо из окопов. И как трудно было им играть — руки огрубели, легким не хватало воздуха...

Надо было видеть, с каким волнением слушали люди осажденного города Седьмую симфонию Шостаковича!

Вот как писал об этой замечательной симфонии А. Толстой:

«Нет, человек сильнее стихии. Струнные инструменты начинают бороться. Гармония скрипок и человеческие голоса фаготов могущественнее грохота ослиной кожи, натянутой на барабаны. Отчаянным биением сердца вы помогаете торжеству гармонии. И скрипки гармонизируют хаос войны, заставляя замолкнуть ее пещерный рев...»

За красоту мира льется кровь. Красота — это не забава, не усадка и не праздничные одежды, красота — это пересоздание и устройство дикой природы руками и гением человека. Симфония как будто прикасается легкими дуновениями к великому наследию человеческого пути, и оно оживает. Средняя часть симфонии — это ренессанс, возрождение красоты из праха и пепла. Как будто перед глазами нового Данте силой сурового и лирического раздумья вызваны тени великого искусства, великого добра.

Заключительная часть симфонии лежит в будущее. Перед слушателями раскрывается величественный мир идей и страстей. Ради этого стоит жить и стоит бороться. Не о счастье, но о счастье теперь рассказывает могущественная тема человека...

Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества...

Известно, какой политический резонанс имела Седьмая симфония. Во время концертного сезона 1942/43 года только в США она была сыграна 62 раза, позже ее стали исполнять в Париже, Праге, Белграде, Риме, Осло, Вене, Софии, Будапеште, Копенгагене, Бухаресте, Кракове, Загребле... Народы мира видели в этом произведении приговор зверствующему фашизму, торжество справедливости, свободы и человеческого счастья.

С тех далеких блокадных дней,

после сильного потрясения, которое я пережил 9 августа 1942 года в зале Филармонии, я затаил мечту написать портрет Дмитрия Шостаковича.

Я понимал, что с Дмитрием Шостаковичем невозможно писать обычный натуральный портрет. Исключительность творческой натуры и личности композитора требовала необычного, острого, очень немногословного и очень современного его изображения.

После длительных поисков я пришел к определенному замыслу, который и осуществлял фактически в отсутствие портретируемого, обращаясь к нему лишь за необходимой натурной справкой. На сей раз я с особым усердием добивался пластической и ритмической слаженности и, если можно так сказать, «музыкальности» своей живописи. В поисках изобразительных средств мне помогали язык музыки Шостаковича. Будоражащие, энергичные ритмы, яркие и сильные контрасты, чеканно точная музыкальная форма. Я уже не говорю о высокой гражданственности его музыки. Композитор должен быть за работой, думал я, значит, один на один с музыкой, значит, ничто от этого не должно отвлекать. Мне показались лишними атрибуты роля, лишним даже партитурный лист. Мне кажется, Дмитрий Дмитриевич обладает удивительной способностью отключаться от всего внешнего, даже когда он бывал не один, отключаться, чтобы слушать свое время и свою музыку. Мне всегда казалось, что Шостакович слушает музыку внутри себя, всегда, постоянно, как всегда, постоянно думает человек. Только Шостакович думает языком звуков.

Трудно говорить о своей работе над портретом, когда, собственно, все, что хотел сказать автор, уже сказано в самом холсте. О том, что получилось, — пусть судят другие. Но все же хочется выразить по этому поводу мое глубокое удовлетворение тем, что за весь период работы мне, как хочется думать, удалось глубже понять музыку Шостаковича и вместе с тем ближе узнать этого удивительно скромного и обаятельного человека. И то и другое мне доставило истинную радость. Я работал с таким упоением, какого не испытывал, пожалуй, ни разу со времен своей самой первой картины. А это было тридцать лет назад!

Что же касается тех лет, когда писалась и исполнялась Седьмая симфония... У нас много говорят о том, что художнику нужно изучать жизнь. В условиях войны и блокады мы не изучали жизнь. Мы жили этой жизнью. Народ, все советские люди, все ленинградцы насмерть бились с врагом, и этот смертный бой был всем смыслом, самой сутью жизни.

Когда-то в 1942 году нас, немногих художников, собирали в Политуправлении Ленфронта. Нам говорили: «Фронту необходимо ваше искусство. Враг у ворот! Рисуйте, товарищи, рисуйте много и так, чтобы сегодня ты нарисовал, а завтра утром твоё искусство уже было в действии». И это было. Тогда мы каждой клеточкой нашего организма ощущали необходимость борьбы с врагом. Все сердца бились в унисон, и у всех одна мысль, одна цель: все для победы!

Конечно, время сейчас иное. Но нужен не меньший накал сердец. Не меньший эмоциональный заряд. Не меньшее напряжение воли. Наш художник — мастер коммунистического воспитания человека, а это дело большой профессиональной и душевной тонкости. Нужно писать лучше. Нужно создавать большое искусство!

И. СЕРЕБРЯНЫЙ,
народный художник РСФСР